

ТЕАТР

Сцена и душа

Сегодня изменилось отношение к значению слова «страдание». И слово «милосердие» уже не кажется заимствованным из иностранного языка. Вот только «душа» влачит пока полулегальное существование. Оно используется в роли метафоры, обозначая «художественность». Или в качестве формообразующего для красивого слова «духовность».

Между тем без души нет искусства. Не ахти какое открытие, но, если вдуматься, то — да, открытие.

Вчера еще достаточным для театра, для спектакля было просто поднять проблему. Чем красивее была упаковка проблемы (школы, семьи, бригадного подряда), чем искуснее была упрятана пресловутая фига, тем восторженней прием критики, а иногда и публики.

Время изменилось мгновенно. Сейчас не надо никого разыгрывать. С театра как будто сорвали одежды. Он стоит нагой с фигой на груди.

Пора расцепить судорожно сжатые пальцы и начать исполнение забытых мелодий. Тем более что не все их забыли.

Есть пьесы, разыгрываемые в ящиках письменных столов известными и полупрозрачными драматургами. А также и совсем неизвестными. Вчерашнему театру они были не нужны, эти пьесы, с их рабочей душой. Да и сегодняшний их вряд ли осилит. Дело в том, что жажда немедленного успеха сжигает любое дело. Не может быть работы там, где требуется одно — любым способом «попасть». Попасть скандально, раздев «молодой» состав, заставив ругаться на сцене. Впрочем, заставлять особо не требуется — и актеры хотят как-то «попасть».

«Попасть» проблемно, что-то заклеив из недавнего прошлого. «Попасть», напугав зрителя и критику мафией или Афганистаном. Что угодно, только не работать.

Так ушлые кооператоры стараются «попасть» в покупателя, перепродавая дефицит.

Хорошо еще, что зритель не особенно клюет на «клубничку». А большие надежды были после отмены запретов на эротику.

И вообще не поймешь его, этого зрителя, на что он клюет.

Пора понять, что зритель клюет на качество. И что зритель из зала это качество чувствует не хуже, чем в магазине. А мелодрама там или абсурд — все это, в конечном счете, неважно.

Александр ОБРАЗЦОВ:

Положение в театре
напоминает
положение в стране,
где зачастую
исполнители старые,
а дела требуются новые

О качестве пьес

Драматурги, по крайней мере публично, сейчас говорят о том, что время небывалое, надо его осмыслить. Поэтому не пишется. Мне это непонятно. Время действительно небывалое, но все, о чем говорится и пишется, было известно им и вчера, и позавчера. И «Котлован», и Авторханов, и Солженицын были позавчера. А у них только сегодня открылись глаза. Это неправда.

А правда то, что сейчас требуется говорить правду. Человек, привыкший лгать и находящийся в этом свое горькое удовольствие, не может уже говорить правду. Он оравлен.

Многие наивно считают, что правду скажут молодые или еще не родившиеся. Тем самым они как бы выравнивают лежцов с остальными, теми, кому эту правду говорить не давали — не замечали, не печатали, не ставили. Это очень удобный подход. Таким образом можно сохранить прежние соотношения в литературе.

Сейчас основной проблемой является проблема критериев. Пьесы, романы, стихи оцениваются не по художественным законам, а по принципу «неграмотно, зато остро». А так как разренное направление остроты всем известно, то наиболее мобильными и вперёдистоящими оказались все те же люди, вчера еще говорившие и неграмотно, и неостро. Наша литература в последние десятилетия так опустилась, что люди, приезжающие с Запада что-то купить, издать, берут только «остроту». О художественном уровне у них даже мысли не возникает.

А между тем у нас есть несколько драматургов, уже в новое время, которые могли бы быть критериями вкуса. Это А. Володин, давно не ставший в театрах, как я думаю, по той же причине, что и А. Чехов, Г. Ибсен или У. Шекспир, — пороку не хватает. Это Л. Петрушевская, мастер диалога. Ее

ставят, но так убого! Цена в ней лишь «остроту».

Режиссеры должны научиться читать. Есть среди них такие, кто вообще ничего, кроме «Московских новостей», не читает. Когда режиссеры полюбят художественную прозу, с ними можно будет говорить. Но они не любят ее, вот ведь что. А глядя на своих лидеров, не считают дурным тоном быть невежественными и актеры. Читают в театре завлиты. Но вы бы видели лицо завлита, читающего пьесу! Это маска человека, пытаемого чтением.

По моему глубокому убеждению, качество текста в пьесе должно превосходить качество прозы и приближаться к лучшим образцам поэзии. Потому что в прозе могут быть необязательные страницы, необходимые прозаике для разговора, для отдыха, для щегольства, в конце концов, тогда как драматургия требует немедленного действия, максимальной плотности письма, многофункциональности каждой фразы и одновременно — свободы и легкости изложения. Современная же драматургия, за редчайшими исключениями, страдает грубым конструктивизмом, типажностью, плохим литературным вкусом, если не сказать больше. У нас доминирует пьеса-фельетон, где действующие лица общаются тащат одно бревно.

Что остается зрителю? Естественно, он требует развлечения там, где его не в состоянии увлечь.

О режиссуре

Режиссер (я говорю о лучших из них) находится с жизнью в состоянии постоянной войны. Он борется за право работать. Если он уцелеет в этой борьбе, наступает ее новая фаза — борьба за название. Он хочет делать одно, ему (часто назло) дают другое. Допустим, ему повезло и он получил желаемое. Начинается борьба с актерами, которые сидят в вольных позах и требуют, чтобы их зажгли. Зажечь

можно все, даже сырое и негорючее. Но даже здесь не кончается борьба. Неумела постановочная часть, ленивы и нелюбопытны осветитель, радист, рабочий сцены. Допустим, и это пройдено. Возникает последний и самый страшный враг — зритель. Он не привык к хорошей работе на сцене. Он в недоумении. Вялые хлопки. Ползала, четверть зала... Если в этот момент не обеспечить триумфальных гастролей в Москве, в Мюнхене, на Бродвее — поражение неизбежно.

Но у нас и в режиссуре, слава богу, появились люди, соответствующие далекому прошлому. Это Э. Някрошкус. Он освободился признанием, поэтому может не тратить себя на вышнеложное.

Значение
спектакля

Что такое спектакль?

Это единственная в своем роде попытка коллективного творчества, живая репетиция счастья в раю. Это утопический коммунизм, воплощенный научно. Он нужен людям для того, чтобы убеждать их снова и снова во всеобщей гармонии.

У нас значение спектакля низведено до солирования режиссера, актера, до постановки «проблемы», до китча.

Между тем замечательный спектакль заметно отражается на судьбе города. Происходит кристаллизация интеллигенции, рождается ее общее дыхание. Возникает структура, называемая обществом.

Театр способен оживить общественную активность более, чем публицисты с их цифрами и выводами. Броуновское движение молекул металла выстраивает в решетке магнит.

У нас в стране сейчас, по сути, ведется разрушительная работа журналов и газет. Как бы разрушаются основы сталинизма. Но дело в том, что качели, дойдя до мертвой точки в своем лете в период Брежнева — Черненко, уже пошли в другую сторону. Дело историков выпустить монографии на темы каннибализма, дело Госкомстата и КГБ — опубликовать цифры потерь. Дело искусства — строить, а не разрушать.

Пьесы А. Образцова идут на следующих сценах: «Снега» — в театре-студии «Современник-2», Москва; «Пятеро» — в театре-студии «Эльва», Тбилиси; «Метеопрогноз для Крыма и Сибири» — в театре-студии «Встречи», Ленинград; «Принц датский» — в театре-студии «Перекрестки», Ленинград, и др. (Прим. ред.).